

Т.А. Рытова

Частная жизнь человека и самоопределение в истории: изменение поэтики исторического повествования в прозе 1970–1990-х гг.

**(В. Катаев. «Кладбище в Скулянах»,
А. Уткин. «Хоровод»)**

Модернистскую повесть В. Катаева и постреалистический роман А. Уткина объединяет поиск форм существования частного человека в трагические периоды истории. В повести Катаева 1970-х гг. герой в процессе работы с «текстами» семейных рукописей сопрягал свою жизнь и жизнь предков, оцеляняя неподдающуюся пониманию историческую реальность XX в.: Уткин в 1990-е выявляет несостоятельность семейно-родового существования (русского, польского, кавказского, европейского, американского) в ситуации исторического абсурда.

С. Бочаров писал: «Расширение опыта личности... такова реальная проблема, по отношению к которой определяются различные литературные направления века... Роман XX века берет обычного, «среднего» человека, бывшего мелкой частицей действительности, имевшего в ней более или менее определенное место, и лишает его этой определенности, устойчивости существования, бросая в водоворот мировой истории... Незаметно для него атмосфера мировой истории проникла ему в сознание, оспорила привычные взгляды и инстинкты, привитые прежним образом жизни, сделала все вокруг непонятным... Проблема характера в литературе XX века – это проблема ответной реакции человека, испытывающего давление объективного мира. Возможна ли вообще какая-нибудь реакция, если объективность – глухая к человеку абстракция? Эта проблема – изменившееся измерение опыта личности, и как следствие – изменившаяся механика отношений объективного мира и воспринимающего сознания. Эту проблему не может избежать ни одно современное литературное течение» [1. Т. 1. С. 339–445].

Модернистскую повесть Валентина Катаева (1896–1984) «Кладбище в Скулянах» (1973–1975) и постреалистический роман «Хоровод» (1996) – первое опубликованное произведение Антона Уткина (1967) – объединяет не только поиск форм существования современного частного человека в истории, но и выбор художественного материала. В «Кладбище...» введена интерпретация частными людьми тех исторических эпох XIX и XX вв., которые ломали сознание частного человека: эпохи 1800–1830-х гг. (война с турками, 1812 год, война с горцами); эпохи второй половины XIX в. (еврейские погромы, террористические акты); эпохи Первой мировой войны. В романе Уткина дается интерпретация героями жизни частных людей в эпоху европейских походов 1814–1817 гг. и в эпоху польского восстания 1831 г. и изображается историческое время конца 1830-х гг. (война России с горцами, контакты двух русских поколений с европейским миром).

Сюжет повести Катаева реализуется в постепенном осознании автобиографическим героем, человеком конца XX в., масштабов исторических событий, несущих смерть: «<В детстве> я всегда испытывал ужас при виде огромных крыльев мельницы» [2. С. 8] (в дальнейшем образ мельницы ассо-

цируется с началом Первой мировой войны); «...вокруг меня бушевала революционная буря» [2. С. 48]; «...можно ли примириться с ужасами войны, которая ни на один день не прекращается на земном шаре, – вдруг вставая багровыми облаками до самых звезд» [2. С. 102].

Роман Уткина начинается с изображения раздумий молодого героя, человека конца 1830-х гг., об «огромном мире, где вспыхивают, сталкиваются страсти, кружат, сокрушают людей в бешеной круговерти» [3. № 9. С. 4]. Но исторические потрясения не изменяют сознание самого героя, потому что, как показывает Уткин, герой не столько живет настоящей жизнью (действуя, переживая), сколько получает информацию о других людях («мозаику впечатлений»), поступающую из различных источников (письма, вещи, рассказы, предсказания). Безымянный главный герой «Хоровода» не становится «свидетелем» драматических исторических событий, даже попав на войну с горцами: отсиживаясь в крепости, он получает информацию о стычках с горцами от «рассказчиков» (от друга Неврева и от коменданта крепости).

Критики указывали, как в романе формируется «хоровод» рассказчиков: «...роман «Хоровод» <...> полон рассказчиков, условно говоря, второго порядка: дядюшка главного героя, Неврев, полковник Квисницкий, Альфред де Синьи, чьи монологи не индивидуализированы, внутри монологов существуют рассказы третьего порядка, причем в этой роли выступают даже камни» [4. С. 185]. О. Славникова объяснила смысл такой структуры проблемой, принципиальной для русской литературы 1990-х гг., – человек фатально ограничен собственным «я». Вследствие этого в роман введены два «событийных плана» – круг «событий» как таковых и «цепь ситуаций, дающих возможность главному герою узнавать про все события» [4. С. 184–185]. Таким образом, стилизованное под XIX в. (без зазоров и метатекста) повествование Уткина связано с историческими проблемами, переживаемыми постперестроечным поколением: когда человек «воспринимает жизнь как мозаику впечатлений, а не получает о ней представление через события» [5. С. 218]; когда «глобальная история не просто закончилась, разменявшись на бесконечные «истории», а напоследок обнаружила свою «безосновность, пустоту» [6. С. 195].

Повесть Катаева, написанная в 1970-е гг., была попыткой преодолеть модернистскую сосредоточенность на собственном сознании и обрести в «другом» то, что недоступно его «я» изнутри себя: здесь воплощено слияние сознания автобиографического героя с сознанием его умерших предков. Поэтому в «Кладбище в Скулянах» весь текст выстроен как система взаимосвязанных субъектов, носителей голоса и сознания. В повести их три: 1) автобиографический герой-повествователь (писатель Катаев), 2) его дед Иван Бачей и 3) прадед Елисей Бачей, офицеры русской армии XIX в. Фабульно – после посещения забытого родового кладбища в молдавском селении Скуляны – внимание автобиографического героя (старого человека, подводящего итоги своего существования) обратилось к истории его рода, которую он обнаруживает в текстах рукописей его предков, офицеров русской армии XIX в.

Записки прадеда Бачея, дневники деда Бачея и «Слово на погребение» вятского деда, священника Катаева, образуют три вводных «текста в тексте»,

расширяющих сосредоточенность повествователя на личных переживаниях. Нарушена хронология введения этих текстов: первыми даны дневники деда Бачея (датированные концом XIX в.: «40 лет после Крымской кампании»), затем включается «Слово на погребение» Василия Катаева (датированное мартом 1871 г.), последний вводный текст – записки прадеда Бачея (датированные 1830–40-х гг., но посвященные эпохе турецких походов России начала XIX в. и кампании 1812 г.). Таким образом, уже в повести Катаева 1970-х гг. нарушение хронологического порядка вводных текстов – поэтический прием автора, воплощающий авторскую концепцию «текста» как структуры, соотносимой с универсальной структурой бытия, перекрывающей линейность истории.

Вводные тексты в «Кладбище в Скулянах» создают не только историческую ретроспективу, но и развертывающуюся вширь пространственную структуру: пространство в дневниках деда Бачея – российский Юг (славянская Одесса и «азиатский» Кавказ); «Слово на погребение» священника Василия Катаева вводит русский Север (Вятка); записки прадеда Бачея расширяют пространство за границы Российской империи: прадед воевал под Браиловом с турками, а во время войны 1812 г. в Европе (под Гамбургом).

Антон Уткин строит роман «Хоровод» на столкновениях русского мира со славянским (польским) и «азиатским» (северокавказским), славянского мира (русского и польского) – с западноевропейским и североамериканским. Но кружение героя в историческом пространстве рубежа 1830–40-х гг. демонстрирует в «Хороводе» не поиск автором универсальных контекстов, а констатацию социоисторической проблемы: в современной цивилизации частный человек обречен на постоянные внутри- и межнациональные передвижения и коммуникации, так как сложилось плотное общение народов (второстепенные образы славян, устроившихся в Париже, и европейцев, служащих в русской армии, подчеркивают в романе повседневность межэтнического общения).

Сюжет Уткин выстраивает так, что острота соприкосновения представителей разных этносов не притуляется повседневностью, потому что повседневность 1830–1840-х гг. катастрофична для всех изображенных Уткиным национальных миров: внутри России – война с Северным Кавказом, внутри Польши – военное сопротивление русскому царизму, внутри Франции – военное подавление холерной эпидемии. Если учесть, что роман написан в конце 1990-х, то описываемое Уткиным состояние мира можно сопоставить с кризисами в европейских национальных системах после распада СССР.

В организации художественного времени «Хоровода» привлекает внимание постоянная детальная датировка романых и исторических событий, в которой можно усмотреть зашифрованную хронологию конца XX в.: роман Уткина закончен в 1996 году – романые события начинаются в 1836 г.; в центральном историческом событии романа – разгроме царскими войсками польского восстания 1831 г. – можно усмотреть обратную аналогию с августовским путчем 1991 г. и его подавлением; вынужденная ссылка молодых героев Уткина в 1836 году на Кавказ, где они включаются в повседневную войну с горцами, может быть соотнесена с войной России на Кавказе в середине

1990-х гг., в которую вынужденно включилось молодое поколение. Это делает роман Уткина «глобальной метафорой», «иносказанием событий конца XX в.».

Поэтому можно предполагать, что роман Уткина не воссоздает историческое прошлое, а вообще отражает поиск молодым поколением механизмов переживания катастрофической исторической реальности. С одной стороны, традиционно определяемые исторической наукой как главные, артефакты первой половины XIX в. в «Хороводе» сняты или поданы как периферийные (снята информация о декабрьском восстании 1825 г.; Наполеон упомянут как частный человек, несостоявшийся ухажер Радовской). С другой стороны, герою доступны рассказы свидетелей, в которых исторические события предстают как фон, среда частного существования (осознание исторического прошлого для главного героя определяется «рассказами» других людей о частной жизни его дяди).

Катаев в «Кладбище в Скулянах» изображал исторические события по-модернистски – в хронотопе сознания героя. В повести даны две ипостаси автобиографического героя, разные по времени: лирический герой (персонаж воспоминаний о Первой мировой войне) и повествователь (биографически равный постаревшему Катаеву 1970-х гг., но явленный как повествовательная инстанция: комментирует записки дедов, интерпретирует, а не проживает собственную жизнь). Историческая действительность воспроизводится редуцированно и в том и в другом случае: в воспоминаниях повествователя о событиях Первой мировой войны главный объект осмысления – «я в молодости», а существование повествователя в современности исчерпывается описанием процесса самопознания.

Лирический герой – восемнадцатилетний юноша, которого, несмотря на испытанный ужас войны, радует азарт боя, он любит порисоваться в роли солдата. Это еще подросток, являющий тип эмоционального рефлектирующего сознания, поглощенного не осознанием исторических событий, а личными впечатлениями («Красота еще никогда не виданной мною русской северной природы... несказанно восхитила меня <...>, и ни до какой войны не было мне дела» [2. С. 100], «...меня беспокоило меньше всего, если даже... шрапнели... косили на марше немецкие колонны» [2. С. 101]).

Постаревший повествователь акцентирует изменение своего сознания: через шестьдесят лет он с ужасом думает о войне: «Сейчас от одной мысли об этом у меня сжимается сердце и чудный солнечный лесной сентябрьский пейзаж меркнет в моих глазах» [2. С. 101]. Однако и в старости автобиографический герой еще не понял до конца своего места, это еще ищущий себя и ставящий все под сомнение человек. Повествователь (автобиографический герой в старости) иронизирует над собой, молодым вольноопределяющимся, по-мальчишески красовавшимся перед румынами, подсмеивается над предками («видно, прадедущка был порядочный проказник» [2. С. 93]), заставляет читателей сомневаться в существенном (уверяет, что время движется в разные стороны, или же заявляет, что вообще сомневается в его существовании). Таким образом, в повести Катаева 1970-х гг. повествователь пытается заместить через «текст» (комментариями, апелляциями к читателям, обретением

ироничной «внедосягаемости») отсутствие конечного представления о себе и реальности.

В конце 1990-х гг. неуверенность героя-рассказчика в романе А. Уткина тотальна, потому что она проявляется и по отношению к себе, и по отношению к реальности, и по отношению к «рассказыванию» (на протяжении всего повествования герой перелагает рассказы других людей, осознав себя «рассказчиком» только на последней странице романа). Неуверенность порождена отсутствием личного повседневного наблюдения жизни «отцов» (отец героя рано умер, мать отстранена от героя, живет уединенно в «подмосковной», дядя «кочует» между Россией и Польшей). Главный герой пытается сосредоточить внимание на «достопамятных» вещах: сознательно облачается в сюртук дяди, «разрывает» старый «шкап» в дядином доме, рассматривает портрет на дядиной лаковой табакерке: «Старые вещи скрепляют, сплетают наше непрерывное существование» [3. № 10. С. 107]. Однако вещи распадаются, уходят в «землю» («Дверцы <«шкапа»> словно приросли к основанию <...>, обсыпая меня какой-то шелухой <...> лака, травяной пылью» [3. № 10. С. 105]).

Уткин акцентирует в романе «Хоровод» редуцирование поколенческой коммуникации, изображая тотальное распадение связей «отцов» с «детьми» (мотив «похищенной»/сбежавшей дочери), а «детей» с «отцами» (мотив утраты сыном отца¹). При всем страхе перед глобальными переменами у молодых формируется облегченное восприятие частной жизни, потому что в отсутствие межпоколенческой близости историческое существование усваивается ими как система «готовых» знаков, сформированных прежней социальной, культурной, материальной реальностью и влияющих на молодое поколение как монолитная данность, так что оно уже не различает ни себя, ни состава повседневной реальности. Такая интерпретация близка наблюдениям J. Czerniawsk<ой> о «социальном конструировании реальности»: «Пока поколение «отцов» создает тот или иной институт, оно осознает его как нечто искусственно конструируемое. Но в процессе передачи его новому поколению институционализированный мир теряет «прозрачность» и обретает статус реальности, существующей по принципу «так было от века» видимость абсолютной объективности» [7. С. 27]. Вследствие этого события собственной частной жизни не вызывают самооценки или активности молодого героя (то есть пробуждения его уверенности и ответственности): «в действительности мне ничто не угрожало: я знал, что, возможно, уже в эту самую минуту дядины письма летят по разным адресам» [3. № 10. С. 37].

¹ Мотив утраты сыном отца можно выявить в судьбе главного героя (вырос без отца), его друга Неврева (ранняя смерть отца-военного изменила его дворянское будущее), в судьбе двоюродного брата героя Александра де Вельде (до 12 лет видевшего своего отца князя Ивана Сергеевича один раз в год, а затем потерявшего и приемных отцов – австрийца-католика де Вельде и француза Ренана), а также в судьбе Салма-Хана (его отец погиб в междоусобицах).

Сюжет романа «Хоровод» состоит в том, что целое становящейся, настоящей жизни героя раскрывается одновременно с открытием им уже вписанного в историю сюжета частной жизни дяди:

Часть	События частной жизни героя и людей его поколения	События жизни дяди и людей его поколения, воспринятые героем из рассказов
1	Герой узнает о переживаемом его другом Невревым отказе отца Елены Сурневой дать согласие на их брак [гл. 19]	Из рассказа дяди герой узнает, как в 1814 г. во время европейских походов дядя проник в замок Радовских и был изгнан отцом «прекрасной полячки» [гл. 15–16]
1	Герой кутит с Невревым, переживающим неспособность похитить Елену [гл. 27]	В Ставрополе из рассказа генерала Севастьянова герой узнает о том, как в 1817 году дядя похитил Радовскую [ч. 2; гл. 3]
3	Герой женится на Елене Сурневой и спасает ее семью от разорения [гл. 5–16]	Из рассказа соседа Сурневых Хруцкого герой узнает, что в 1831 г. тот пытался спасти от разорения Радовскую [гл. 11]
3	Герой, приехавший в Париж, теряет жену, сбежавшую в Америку с сыном Радовской и князя Ивана [гл. 21]	В Париже герой слушает рассказ княгини У. о том, как его дядя помог ей выехать из охваченной восстанием Польши в Западную Европу [гл. 20]

Таким образом, композиция романа проявляет открываемый Уткиным механизм смены поколений: новое поколение кругами «пробуксовывает» в недеяниях, пока не изжит в «событии» и «слове» опыт предыдущего поколения. Движение частной жизни происходит по кругу, образует «хоровод» – формируется повторением молодыми моделей поведения старших (Неврев / дядя героя) и развитием судеб внутри каждого поколения, когда его представители существуют в одном пространстве бытия, идут близкими путями и кто-то может завершить чужую «песню» (герой женился на Сурневой, которую безрезультатно добивался его друг Неврев; Хруцкий пытался спасти Радовскую с сыном, к которым не удастся прорваться князю Ивану, дяде героя).

Поколенческая преемственность традиционно («нисходящий во времени порядок последования людей одного за другим» [8. Т. 3. С. 1021]) предполагает подключение «младших» к кругу жизни «старших». Уткин дает новую интерпретацию: преемственность возможна в рамках одного поколения, изживающего свой опыт изнутри себя. Причины – осознание в конце 1990-х гг. изменения состояния мира от времени жизни одного поколения к другому как радикального.

В повести 1970-х гг. В. Катаев через систему мотивов и психологических проекций сопрягает миры предков и «потомка» (автобиографического героя).

Современный человек, по Катаеву, является включенным в историю только в процессе духовного соединения себя с предками, которые, выполняя свои частные функции, еще могли ощутить себя «творцами истории». Предки – как их понимает автобиографический герой – были частицами большого исторического целого, принимали исторически необходимую функцию: защищать Родину, расширять ее границы, крепить ее мощь. Катаеву важно, что его предки были продолжателями не только материальной истории (как офицеры русской армии участвовали в расширении географических границ), но и духовной (дед по линии отца, вятский протоиерей Василий, умирает, пострадав за ближнего и приняв мученическую смерть). Катаев подчеркнул в повести, что заслуги дедов были оценены в истории: награды, пролетевшие однажды мимо прадеда, все-таки нашли его, дед Бачей дослужился до генерала, память о деяниях деда Василия Катаева, вятского священника, запечатлена в «Слове...» на его погребение.

Поэтому сюжет «Кладбища в Скулянах» связан с углублением повествователя в историческое время существования своего рода. Рукописные тексты дневников предков выполняют «коммуникативную» функцию. Обладая ими как материальными объектами, герой «обживает» их духовно в своем сознании и ощущает, что они связывают его не только с предками, но и вообще с ушедшими в прошлое событиями. Катаевский повествователь развивает сходство судеб («видимо, у дедушки наступил тот момент... разочарования в своей службе, который время от времени наступает у военных, в особенности во время затяжной кампании, что... не раз испытывал и я на позициях под Сморгонью во время первой мировой войны» [2. С. 14]). Он не просто комментирует попавшие к нему в руки дедовские рукописи, а стремится истолковать «другое» сознание: «Читая и перечитывая записки прадеда, я все время не только ощущал как бы свое присутствие при описанных событиях, ... в меня как будто вселилась душа моего прадеда» [2. С. 94]. Вчитывание в рукописи предков расширяет границы личного бытия автобиографического героя, приобщает его к личному переживанию исторического прошлого: «Тот факт, что дедушка сопоставил имя революционерки Веры Засулич со взбучкой, которую задал Александр II графу Левашову за беспорядки в Одессе (в конце 1870 г. – *Т.Р.*), свидетельствует о... предреволюционной обстановке, которая уже тогда начинала созревать в России» [2. С. 85].

Интерпретируя судьбу, «тексты» и сознание близких ему людей, катаевский повествователь не только выстраивает исторический контекст их жизни, но и упорядочивает, оцеляняет собственное мироощущение. С помощью рожденной в процессе комментирования системы мотивов он сплетает голоса и миры в тесный клубок. Например: мотив жажды жизни и недостижимости мечты материализовался когда-то для заболевшего деда Бачея в образе недосыгаемого кувшина с холодной водой. Для внука – в чашке горячего чая с ромом, которую он, молодой солдат, попав зимней ночью 1914 г. на пароход, захотел выпить, но офицер не позволил.

При этом у Катаева миры предков – это еще действительно «миры», настолько предки своеобразны как личности определенной исторической эпохи. Дух времени, различие исторических эпох отразились и в стиле их мемуаров.

Прадед Катаева по матери Елисей Бачей – капитан Нейшлотского полка, участник войны 1812 г. – общую ответственность перед отечеством отождествлял лично с собой: «Я, заметив, что турки начали высказывать из крепости, повел с ними перепалку» [2. С. 91]. Темы его записок – военные события, которые значимы для Истории. По-иному мыслит его сын, Иван Елисеевич Бачей; несамодостаточный тип сознания проявляется в мифологизации дедом времени его отца, Елисея Бачея. Дед описывает жизнь в родовом имении в молдавском селении Скуляны как «золотой век» их рода. Имение включало пять поименованных садов, «названных по числу детей: Сашин сад, Яшин сад, Анастасьин сад, Лизин сад и Ванин сад» [2. С. 8]. Со смертью прадеда имение продается, дети разъезжаются, «жизнь распадается» [2. С. 45].

Дед Бачей, как он явлен в своих воспоминаниях, – это уже не «герой», а социально, исторически и религиозно детерминированная личность: «дедушка... жил... повинаясь скорее биологическим, чем историческим закономерностям» [С. 28]. Воспоминания деда не долг перед Историей, а следование стандартам среды. В его записях преобладает банальная «объективность» (описания природы, бытоустройства и т.п.). Жизнь деда детерминирована христианским календарем. По его запискам можно восстановить годовой цикл христианского календаря, в который вписана бытовая жизнь средней семьи в середине XIX в.: Сочельник – Рождество («молебен с водосвятием») – Страстная неделя («отстоял длинную всенощную») – Пасха и т.д. В описании деда это не духовный, а именно бытовой цикл повседневного существования частного человека.

Тема войны в «Кладбище...» обусловлена профессией предков Катаева: Бачей – потомственные военные («и покойный отец его, и дед – неведомый нам Алексей Бачей, – и отец этого неведомого Алексея Бачея – прапрапрадед, по преданию один из запорожских старшин, – все они были военные» [2. С. 15]). Записки предков, представленные Катаевым, проявляют изменение отношения частного человека к войне и смерти. Прадед в начале XIX в. еще был захвачен азартом «эпической» миссии, черпал силу в монолитности духа армии и не имел времени задумываться о страданиях инородцев: «...сомкнув стрелков, на плечах неприятеля вскочил я в шанцы, переколов штыками значительное число турок» [2. С. 94].

Дед Иван Бачей, как и прадед, – кадровый военный, но служба для него не так захватывающая, течет скучно, обыденно: закончилась эпоха исторической активности (военных походов), суть армейской жизни 1840-х -- подчинение и муштра. Историческая детерминированность деда проявляется в его обыденном отношении к войне с горцами: «иногда назначался летучий отряд с артиллерией. Он двигался вперед, уничтожая запасы горцев. При этом велась перестрелка, обычно кончавшаяся нашим успехом» [2. С. 27].

Привычность порождает хладнокровие, с которым дед пишет об ужасах войны: «Жгли сакли, топтали посевы, иногда забирали добро горцев на повозки и возвращались с добычей домой» [2. С. 27]. Образы погибших инородцев, смерть которых описывает дед Бачей, конкретны. Например: «Убитые горцы были: три старика с седыми короткими бородами, один средних лет, а два совершенные юноши лет по двадцать. Лица их, вымазанные кровью

и вываленные в пыли, со стиснутыми зубами, – кроме окаменевшей злобы, ничего не выражали. Все это было неопишимо ужасно, переворачивало душу» [2. С. 40]. Для деда смерть значима своим натуральным, материальным видом; он воспринимает смерть как физический акт, не размышляя, а лишь эмоционально переживая данный момент; отношение к смерти деда Бачея ситуативно.

В романе «Хоровод» Уткин также показывает, что поколение «предков» (в данном случае поколение дяди героя) деятельное и героическое, по сравнению со следующим. Поколение дяди героя, как и поколение прадеда Катаева, формировалось в условиях батального преодоления национальных границ (вторжение войск Наполеона в Польшу и Россию; вторжение русских войск в Польшу и на Северный Кавказ). Однако в конце 1990-х гг. (когда пишется «Хоровод») после пережитой Россией ревизии прошлого русскому писателю важно не исследовать исторический опыт «предков» (как у Катаева), а акцентировать в судьбах «детей» итоги этого исторического опыта – у поколения героев войны 1812 г. их функция национальных «защитников» перерождается в функцию соседей-«завоевателей». Уткин показывает, что европейские походы России против Наполеона заканчиваются долгосрочной агрессией против Польши; затем завоевательский опыт распространяется на Кавказ.

Вследствие этого новое поколение, которому принадлежит молодой герой Уткина (как поколение деда Бачея в повести Катаева), исторически вынуждено включаться в повседневность в пределах большого пространства: события их частной жизни распространяются на Восток (на Кавказ молодого героя и его друга Неврева ссылают за кутежи) и на Запад (во Францию герой едет с женой Еленой, в Америку Елена бежит с Александром де Вельде).

Поэтика «рассказывания» размыкает и дегероизирует повествование об участии молодого поколения в батальных событиях: главный герой, будучи военным, не участвует в стычках с горцами, а узнает их по рассказам коменданта крепости Белой Иванова-девятого. Однако о событиях в среде горцев не только молодой герой, но и Иванов-девятый узнают намного позже того, как они совершились, поэтому в сознании русских историческое существование кавказского мира – отчужденное: Иванов-девятый оценивает собственный рассказ о шапсугах как «басню» [3. № 10. С. 86], герой выслушал этот рассказ как «сказки» [3. № 10. С. 88]. В повести «Кладбище в Скулянах» Катаев тоже включил повествование о баталиях в «рассказы» (записи) предков, но цель иная, по сравнению с Уткиным: доверившись «рассказу» родных людей, соединиться с историей и прошлым.

Автор «Хоровода» подчеркивает, что поколение его молодых героев приходит в мир, который стал тесным от вынужденного и часто абсурдного межнационального взаимодействия: на Кавказе русский Неврев становится жертвой междоусобицы горцев, а главный герой наблюдает вынужденную взаимопомощь русских офицеров и горцев (Иванов-девятый и Салма-Хан). Это рождает в романе конца 1990-х гг. образ релятивной, текучей реальности. Ответственность молодого поколения за личное участие в релятивной реальности рождается в рассказе Неврева о его плене у горцев,

который вынесен в финал романа. Оставшись в плену в живых, Неврев оказывается лично включен в драматические события жизни чужих ему горцев. Он не только сам взят в плен во время «набега», но и случайно освобожден из плена во время набега Салма-хана на враждебного ему «кровника», князька Джембулата.

Смешение национальных драм проявляет смешение типов исторического существования, акцентированное Уткиным. Горцы исторически существуют между пространством «большого мира», куда совершают «вылазки», и между пространством жизни родного племени (аул и «ойкумена в одну квадратную версту» [3. № 11. С. 62]). Поэтому выходы горцев в межэтническое и межплеменное пространство традиционно агрессивны – это набеги ради обогащения и ради племенного самоопределения. Для молодого поколения русских в 1830-е гг. агрессивная позиция России по отношению к ближайшим соседям – историческая данность, принятая духовно и эмпирически (ссылку на Кавказскую войну герой и Неврев воспринимают обыденно).

Уткин также запараллеливает агрессии России на Северном Кавказе с салонными дискуссиями в Париже о том, что европейская цивилизация «народам, занимающим самые первые ступени развития, прививает итоги развития Европы за тысячи лет» [3. № 11. С. 23] и что «европейская цивилизация <...> не так уж цивилизована, <...> принялись отнимать свободу у других» [3. № 11. С. 23]. В Европе в конце 1830-х гг. молодой герой Уткина знакомится с эгоистичными предсказаниями исторического устройства в XX в.: мсье Румильяк предсказывает, что «свет увидит две исполинские демократии: Россию на Востоке, Америку на Западе <...> А Франции оста<нется> все то же – хорометь» [3. № 10. С. 111].

Уткин видит дурное повторение катастрофических ситуаций и внутри русской цивилизации: вводит в повседневную жизнь молодых героев ситуацию пожара в Зимнем дворце зимой 1836 г. (испытание социума и государственности), наблюдая который герой и его друг Неврев ощущают «grimасы древнего духа»: «...казалось, что все мы находимся не на берегах скованной льдом Невы, а на песчаном плесе Днепра, казалось, что государь Николай Павлович, повелитель бесчисленных стад и племен, в пробитой кольчуге и с серьгой в ухе возлежит в глубине гибнущего терема, ставшего погребальным костром» [3. № 9. С. 42]. Таким образом, историческое существование наций и цивилизаций происходит не в изменениях, а в повторениях, что обесмысливает историческое самоопределение частного человека.

Сопоставление «Кладбища...» и «Хоровода» обусловлено и тем, что оба автора проверяют исторический смысл физического соприкосновения народов: даже если оно происходит на трагической почве (в условиях войны), то вызывает материальную связь частных людей. Например, из комментариев повествователя в «Кладбище в Скулянах» становится известно, что жена прадеда Бачея была дочерью немецкого пастора, выходила прадеда, раненного под Гамбургом, дав буквальную возможность продолжить жизнь и род. В романе Уткина старый пан Радовский в суворовских походах похитил пленную турчанку, родившую ему красавицу дочь; а впоследствии у его дочери и русского князя Ивана рождается сын. Однако повествование об

этих союзах и у Катаева, и у Уткина редуцировано. Оба писателя каждый по-своему делают акцент на последствиях.

В романе «Хоровод» история отношений русского князя (дяди героя) и «полячки» Радовской проявляет, что формирование материальных связей народов, развитие живых, интимных контактов заканчивается разлукой любящих (Радовская вторично похищена, теперь уже отцом) и усилившейся враждой (князя не допускают к воспитанию родившегося сына). Итог: при постоянном длительном и повседневном национальном контакте (Уткин описывает его существование на протяжении почти двадцати лет) акцент переносится на раздражение от «чужого» народа.

Повторение в «Хороводе» ситуаций частной жизни двух поколений русских дворян тиражируется сопоставлением судьбы двух поколений во всех изображенных Уткиным национальных кругах. В каждом изображен хоровод схожих по сюжетным функциям персонажей: пострадавший отец – похищенная дочь (роковая женщина) – герой (представитель молодого поколения) – антагонист героя (человек одного с ним поколения) – наблюдатели-«рассказчики». Частная жизнь народов протекает в близких коллизиях, что проявляет в романе конца 1990-х гг. мысль о глобализации географической близости, обесмысливающей выход частного человека в иные национальные миры.

В повести Катаева начала 1970-х гг. романтический союз прадеда и дочери немецкого пастора значим для их потомка (повествователя) в большей степени тем, что восстанавливает культурную связь «немецкое – романтическое» в частной жизни. Накладывая на историческую реальность жизни прадеда культурные ассоциации, повествователь обращает их в «текст», который «приобретает черты модели культуры» (Ю. Лотман): «Дедушка не понимал, почему ему пришла мысль о Рейне. А я понимаю. Наверное, дедушкина мать, моя прабабка-<немка>, рассказывала ему какие-нибудь легенды о русалках Рейна» [2. С. 17]. Комментируя мемуары предков, Катаев-повествователь постоянно апеллирует к культурному фону, историческому и литературному контексту, который окружал его героев. Название родового поселения – Скуляны – связано для него с культурной памятью: о сражении под Скулянами писал Пушкин в «Кирджали», пушкинский Сильвио из «Выстрела» был убит в бою под Скулянами. Дед-священник умирает, в описании Катаева, как евангельский святой (описание мучительной смерти деда, подхватившего лихорадку, когда шел через реку к умирающему для благословения, дается в контексте библейских аллюзий – «хаос», «Моисей», «геенна»).

Реминисценции представляют собой готовые, (ставшие формальными) знания повествователя, его язык, и в этом качестве они участвуют в процессе освоения повествователем действительности и в процессе создания им своего текста. Они позволяют повествователю завершить своим «всеохватным знанием» историческое существование предков, встроить их локальный рассказ о частной жизни в объективный контекст исторического времени. Современному частному человеку трудно противопоставить свою материальную и духовную значимость огромным масштабам исторических процессов. Но, бесильный в качестве изолированного частного индивида, человек становится

исторической личностью, если он вписывается в «соединенное бытие», в культуру человечества.

В романе Уткина «Хоровод» тексты культуры не столько фиксируют многообразный опыт прошлого, сколько предвосхищают будущую реальность жизни молодых героев: «Итальянку в Алжире» герой посмотрел до того, как сам попал на Восток (Кавказ), «Антон Райзера» прочитал до того, как оказался в Западной Европе, с событиями на Кавказе познакомился в 15 лет по книге Марлинского. Таким образом, в сознании нового поколения текст опережает живую жизнь, заранее задает оцеляющее представление о реальности (картину реальности). Не случайно Уткиным упоминаются и художественные тексты («Аммалат-бек» Марлинского, романы Лермонтова, «Гамлет»), и театральные постановки (опера «Итальянка в Алжире»), и риторические тексты (Цицерон), и лингвистические (арабский лексикон), и религиозно-эпические (Ф. Клопшток), и историко-географические (книги А. Кюстрина), и автобиографические («Антон Райзер» К.-Ф. Морица). Реальность культуры «перекрывает», вытесняет первичную, потому что живая действительность полна исторических драм и чужих страстей, не объясненных живыми «старшими»: «дядина библиотека сделалась для Неврева настоящим прибежищем от мира снаружи, к которому не было у него ключа» [3. № 9. С. 37].

Уткин, создавая стиль XIX в., не избежал обращения и к культуре «письма». В роман введены интимные послания (Радовской – князю, Елены Сурневой – Невреву) и важные для частной переписки сообщения (письмо Сурнева Невреву с просьбой оставить его дочь; сообщения из Европы князю Ивану о поиске его сына Александра; письмо о смерти дяди героя). Однако все упомянутые в «Хороводе» письма не становятся основанием ни для сближения персонажей (содержание всех писем разрушает коммуникацию), ни для объяснения ситуаций (все письма осознаны героями намного позже их написания). Поэтому, знакомясь с чужими письмами, герой отстраняется от их содержания («я без всякой мысли уставился на французские слова» [3. № 9. С. 55]); после прочтения секретной переписки дяди герой «зевнул» [3. № 9. С. 57].

В повести Катаева поэтика письменного слова имеет иное значение. В данном произведении акцент не на «письма», а на рукописные «записки» («тексты»). В своем комментарии повествователь обращает внимание не только на содержание записей предков и на их материальный облик. Тексты предков имеют в «Кладбище в Скулянах» онтологическое значение – по наблюдению повествователя, записи обоих дедов прекращаются ими в момент их реальной смерти («Записка прерывается на середине странички... Возможно, что именно в этот миг и настигла дедушку смерть от удара» [2. С. 85]). Подобный подход позволяет понять, что в повести Катаева повествователь является не только автобиографическим героем, но и автором, «играющим» с «текстами» (чужими и своим).

В отличие от Уткина, «играющего» в своем романе с «рассказами» и «историями» бесконечно и безысходно, открытием Катаева в 1970-е гг. являлось то, что его главный герой (повествователь) оцелял неподдающуюся пониманию историческую реальность только в процессе работы с «текстами» (чужими и своим). В реальности «текста» повествователь имеет возможность

постоянно сопрягать свою жизнь и жизнь предков, подчеркивать, что его жизнь началась задолго до рождения вместе с жизнью предков и их предков. Таким образом, в работе с «текстом» повествователь рождает концепцию «соединенного бытия»: «Я не имею ни конца, ни начала... все живые существа в мире в равной степени и мои предки, и мои потомки» [2. С. 2]. На уровне автора в «Кладбище...» выстраивается кольцевая, но не замыкающая человеческую жизнь композиция: начало повести конструирует ситуацию смерти частного человека (данную от лица самого умершего), а финал повести включает текст (мемуары) о его развивающейся в историческом времени жизни. Это делает время «текста» в повести Катаева бесконечным и разнонаправленным.

В поисках пространственных связей с умершими предками Катаев строит текст на сопоставлении «тех же самых дорог», «речных пойм, степей», которые существовали и при дедах, и при нем. Дед писал: «Под открытым небом развели мы костры... и заснули тягостным сном под маленькой холодной луной»; повествователь вторит: «...той самой луной, которая через много лет после этого стояла надо мной в розовом небе под Орлом, той самой луной, которая много лет раньше светила над прадедушкой под Браиловом, под Дрезденом, под Гамбургом, той самой луной, которая и ныне освещает заброшенное кладбище в Скулянах». Благодаря поэтике пространственных совпадений происходит развитие временной полифонии исторической и родовой жизни, в которой существование частного человека предстает как структура с беспредельной глубиной. С помощью вымысла и писательского воображения Катаев в своей модернистской повести всматривается и за пределы, кажущиеся окончательными. Например, описывает «заслуги» предков (офицера Бачея и священника Василия) в одинаково выстроенных сценах: оба как бы воспроизводят их в своем умершем сознании (в одних и тех же выражениях).

Катаев «перекапывает» наслоения времени, пространства и вымысла «во имя важной эстетической задачи: создать коллективный образ рода, усилий и пути предков и их «следа» в таком не похожем на прошлое современном мире... Жизнь отдельного человека в ретроспективе и перспективе столетий безвестна. Но есть потомок, ищущий «след» прошлого и не ради тщеславия проецирующий его на свою жизнь» [9. С. 41–44].

В романе «Хоровод» Уткин не ищет опоры в существовании семьи как «рода», так как выявляет несостоятельность семейно-родового существования (русского, польского, северо-кавказского, французско-европейского, североамериканского). Польский род, в изображении Уткина, соединяет память о «личных деяниях» и героическом прошлом предков: в замке Радовских свято хранятся знаки ратной славы Радзивиллов. Однако, изображая жизнь Радовских на протяжении 20 лет (1814–1836 гг.), автор показывает, что упование на значимость семейного рода в Истории оборачивается сомнением и, как следствие, политикой личной изоляции: давший личное обещание Суворову не бунтовать против России, пан Радовский на долгие годы запирается в окружении семьи и двора в своем уединенном замке, чем разрушает жизнь дочери и внука, т. е. лишает свой род исторического будущего (дочь умирает

от невозможности соединиться с мужем, русским князем; их сын Александр воспитывается иезуитами вне Польши, получает чужое имя – де Вельде). Жизнь частного человека, включенного в европейскую цивилизацию, утрачивает семейно-родовые формы: их подменяет социум, требующий от человека только участия в «прогрессе»: Александр де Вельде выдернут иезуитами из семьи и родового имени и впоследствии его жизнь, так же как жизнь всех других европейцев, изображенных в романе, -- протекает без семьи в круговороте материальной деятельности.

В русском мире «традиции» не могут вписать жизнь частного человека в историю (русский эпический мир равнодушен к истории), «цивилизация» русских – заемная, подражающая европейской (молодой герой в Париже ведет тот же образ жизни, что в Петербурге). «Личное деяние» в русском мире не значимо: русский человек умаляет себя перед миром, видит себя повторяющим поступки старших (весь роман – о параллелях в судьбах двух поколений).

Перемещения героя Уткина между Западом и Востоком и обратно демонстрируют значимость сравнения с другими, открытие другой («иноземной») точки зрения. Это дает возможность частному человеку принимать ответственность за эмпирическую повседневную жизнь. Герой возвращается после путешествий по Кавказу и Европе к застойной эмпирике родного мира («...я с тупым интересом наблюдал, как шустрые паучки продолжают линию моей жизни и... отживают за меня... день» [3. № 11. С. 56]), но берет на себя ответственность за ежедневное воспитание и содержание сирот, двух племянников его погибшего друга Неврева. Таким образом, герой открывает целостный смысл «хоровода» эмпирической жизни, ощущаемой до этого как фрагменты чужих «рассказов» и умаляемой героем в ее личной для него значимости на фоне глобальности мира.

Литература

1. Бочаров С. Характеры и обстоятельства // Теория литературы. М., 1962. Т. 1.
2. Катаев В. Кладбище в Скулянах // Роман-газета. 1977. № 8.
3. Уткин А. Хоровод // Новый мир. 1996. № 9–11.
4. Славникова О. В поисках утраченного романа // Урал. 1997. № 3.
5. Сотникова Т. Неподражательная странность // Знамя. 1997. № 9.
6. Архангельский А. Неподвижный хоровод // Дружба народов. 1997. № 5.
7. Julia Czerniawska. Культура этноса и социальное конструирование реальности // Acta Polo-Ruthenica. X.-Olsztyn, 2005.
8. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Прогресс, 1994. Т. 3.
9. Старцева А. Поэтика современной советской прозы. Ташкент, 1984.